

отразилась огромная работа Татищева над созданием ее текста.² Несколько наблюдений над этими рукописями помогут, полагаем, приблизиться и к решению вопроса о татищевских «вельможах».

В тексте первой редакции «Истории Российской» мы совсем не найдем «вельмож», которыми столь усеяна вторая редакция. Уже это может вызвать у нас сомнение в том, что «вельможи» заимствованы Татищевым из каких-либо неизвестных нам летописных памятников. Ведь иначе с гораздо большей вероятностью они должны были присутствовать именно в этой первой редакции, в которой Татищев стремился следовать и в порядке слов и в наречии самим летописям.

Как же «вельможи» появились во второй редакции «Истории Российской»? На это дает отчетливый ответ упомянутая только что черновая рукопись второй редакции. Так, например, в одном из эпизодов летописного рассказа о крещении Владимир советуется с «боярами и старцами». Ответу последних на обращенный к ним князем вопрос предпосланы слова: «реша бояре и старцы». Эта же летописная формула ответа перешла и в первую редакцию второй части «Истории Российской»; и здесь мы читаем: «реша бояре и старцы вси». В первоначальном тексте второй редакции мы обнаруживаем все ту же знакомую нам летописную формулу: «рекоша бояре и старцы вси». Однако здесь-то и происходит искомым нами превращение этой формулы в новый вид. Именно Татищев зачеркивает здесь «бояр и старцев» и поверх зачеркнутого пишет: «и рекли все вельможи и старейшины». Другой пример: такое же изменение претерпел эпизод награждения знаменитого усмаря, победившего в единоборстве «превеликого и страшного» печенега. В летописи он был «сотворен» за свой подвиг «великим мужем». Таким он оставался в первой редакции «Истории Российской», и только в рукописи второй редакции героический усмарь из «великого мужа» превратился под пером Татищева в «вельможу».³ Все остальные «вельможи» изучаемого отрезка «Истории Российской» имеют совершенно такое же происхождение. Таким образом, история появления в «Истории Российской» этого термина в качестве древнерусского термина для обозначения некоторой общественно-политической группы, существовавшей тогда в Киевской Руси, кажется ясной: термин этот принадлежит не каким-либо неизвестным нам рукописям, но обязан своим происхождением всецело перу Татищева.

Однако что же побудило Татищева ввести этот термин в «Историю Российскую» для обозначения определенного слоя в обществе Киевской Руси?

Прежде всего, конечно, необходимо определить, какие действительно древнерусские разряды населения были Татищевым подведены под разряд «вельмож». Это поможет нам установить И. Сенигов, который много лет тому назад в своем исследовании, посвященном «Истории Российской», хотя и бесплодно, по мнению А. А. Шахматова, но полезном для нас именно в силу этой бесплодности, сооставил текст Лаврентьевской и других летописей с текстом татищевской «Истории». Он обнаружил 26 случаев, в которых татищевским «вельможам» в летописных чтениях соответствовали то «бояре» (10), то «дружина» (9), то «мужи» (6), то «передние мужи» (1).⁴ К наблюдениям И. Сенигова можно добавить, оставаясь

² Рукопись первой редакции теперь издана в четвертом томе «Истории Российской» (Л.—М., 1964), рукопись второй редакции — во II—III томах (1963—1964).

³ История Российская, т. IV, стр. 135, 139; т. II, стр. 59 и 381, вар. 78—79; стр. 66 и 282, вар. 191.

⁴ И. Сенигов. Историко-критическое исследование о Новгородских летописях и Российской истории В. Н. Татищева. М., 1887, стр. 400, 406, 414, 422.